

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.119-126
УДК 391 (511.131) «17»

Е.Е. Нечвалода

*Институт этнологических исследований
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
ул. Карла Маркса, 6, Уфа, 450077, Россия
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru*

Изображения удмуртского женского костюма XVIII века в книге И.П. Фалька: опыт этнографической интерпретации и атрибуции

Статья посвящена анализу трех изображений женщин в традиционных костюмах, которые иллюстрируют работу академика И.П. Фалька – руководителя одного из отрядов Больших академических экспедиций XVIII в. Согласно подписям, на гравюрах представлены «вотячка», «башкирка» и «мещерячка». В статье выявляются допущенные в издании ошибки в атрибуции этих изображений, даются комментарии на основе этнографических данных. Проводится сравнение женских костюмов, изображения которых приведены в книге И.П. Фалька, а также в исследованиях его современников – участников других академических экспедиций, с этнографическими материалами конца XIX – первой половины XX в. (по составу комплекта, крою, декору и украшениям). Доказывается, что «башкирка» и «мещерячка»/«мишарка» на гравюрах в книге И.П. Фалька представляют удмурток в комплектах старинного женского костюма. Одежда «вотячки» находит ближайшие параллели в южном комплексе традиционного удмуртского костюма, «мишарки» – в срединном, «башкирки» – в северном. Подробность и точность в передаче деталей одежды позволяют соотнести изображения не только с определенными костюмными комплексами, но и с социальным статусом их прототипов. Установлено, что на «вотячке» и «башкирке» женские комплекты традиционного удмуртского костюма, а на «мишарке» – девичий. Сделан вывод о том, что ранние изобразительные материалы (прежде всего иллюстрации к трудам академических экспедиций XVIII в.) – это ценнейший историко-этнографический источник, потенциал которого пока не реализован.

Ключевые слова: академические экспедиции XVIII в., И.П. Фальк, традиционная одежда, ранние изображения, удмурты, атрибуция графических образов.

E.E. Nechvaloda

*Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Karla Marksa 6, Ufa, 450077, Russia
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru*

The 18th-Century Udmurt Women's Outfits Depicted in J.P. Falk's Book: Interpretation and Attribution

This study describes three engravings in the book by Academician Johan Peter Falk, showing Udmurt women in traditional outfits. Falk headed one of the most important expeditions of the 18th century, sponsored by the Russian Academy of Sciences. According to the figure captions, the women are Votyak, Bashkir, and Mishar, respectively; but ethnographic data suggest that two of these attributions are wrong. On the basis of comparison of the women's outfits to those drawn by members of other 18th-century expeditions and of late 19th to early 20th-century ethnographic sources, relating to the composition of outfits, their construction, decoration, and ornaments, all the three women are Udmurt. The "Votyak" outfit matches that of the southern Udmurt, the allegedly Mishar woman is central Udmurt, and the one said to be Bashkir is northern Udmurt. The accuracy of detail allows us to specify not only the ethnicity of the women, but their social status as well. The so-called "Votyak" and "Bashkir" outfits are those worn by married women, and that of the alleged "Mishar" is a girl's dress. Generally, accurate representations, such as those illustrating the proceedings of the 18th-century expeditions from the Academy of Sciences, are a valuable and underexplored source of information.

Keywords: 18th century academic expeditions, Johan Peter Falk, traditional outfit, early representations, Udmurt, graphic images attribution.

Введение

Изображения представителей этнических типов в традиционных костюмах, иллюстрирующих сочинения И.П. Фалька, – особо ценный историко-этнографический источник. Гравюры были выполнены по зарисовкам с натуры; они подробны, детально точны, в них нет цитирований изображений из трудов других ученых, путешественников XVIII в. [Жабрева, 2007; Вишленкова, 2011, с. 49]. Этнические типажи И.П. Фалька репродуцировались крайне редко, до недавнего времени их не анализировали и не комментировали этнографы, а также практически не использовали в своих публикациях специалисты по традиционному костюму. В данной статье дается этнографический анализ трех из указанных изображений.

Анализ графических источников

Одно из изображений женщины в традиционном костюме, иллюстрирующее сочинение И.П. Фалька [Falk, 1786, Bd. 3, Tab. XXXII], сопровождается подписью «Eine Wotjakin» – вотячка (далее – «вотячка»). Удмуртка запечатлена в двух ракурсах – спереди и сзади. На изображении переданы характерные особенности традиционного удмуртского костюма: высокий

головной убор *айшон*, платок-покрывало с бахромой *сюлык*, кафтан *шортдэрем* из белого полотна (очевидно, домашнего холста), имеющий ложные рукава с разрезами в верхней части, остроносые удмуртские лапти (рис. 1). На ногах удмуртские женщины могли носить обертки из черного сукна *куттор* (в центральных районах – в Шарканском и соседних). Точно переданы детали отделки костюма. У косинских удмуртов было принятошивать на изнаночную сторону рукава рубахи (в его манжетной части) красную ткань, а при ношении рубахи отворачивать край, чтобы была видна красная обшивка [Лебедева, 2008, с. 24–25]. Завернутые у края красные концы рукавов рубахи, показанные на гравюре, являются, видимо, отображением этой традиции. Рукава, украшенные продольными красными полосами, соответствуют традиционной женской рубахе косинских удмуртов *гордэн* с продольно нашитыми красными лентами. Косинские удмурты обшивали разрезы на рукавах кафтанов полосой красной ткани; такая же отделка показана на изучаемом изображении.

В оформлении платка-покрывала, изображенного на гравюре, хотя композиция его декора не читается полностью, просматриваются специфические для удмуртских *сюлыков* черты: 1) в углах показаны ромбы (на вершины подобных ромбов опирались четыре Древа жизни *писпу пужы*); 2) мелкие черные элементы узора на белом фоне *сюлыка* соотносимы с мелкими ромбами и треугольниками, из которых составлялись изображения Древа жизни; 3) помещенный в центре платка ромб с треугольниками у вершин соответствует небольшим ромбам в окружении треугольников, которые нередко располагались в центре всей композиции. Манера ношения платка-покрывала, как ее изобразил художник, отвечает традиции одной из групп южных удмуртов: *сюлык* не расправлен по плечам, а заложен двумя крупными складками, идущими от вершины убора. Так *сюлык* носили, в частности, в с. Завьялово б. Сарапульского у. Вятской губ. [Там же, с. 91, фото 82]. У других групп удмуртов допускалось носить платок в расправленном виде [Manninen, S. 72, Abb. 24].

На груди «вотячки» отсутствует вышитый или аппликативный нагрудник. Вместо него показана аппликация в виде составленного из красных полос ромба, от верхнего угла которого вверх тянется полоса, упирающаяся в дельтообразную фигуру. Слева от нее (т.е. на правой стороне груди) прохо-

Рис. 1. «Вотячка» [Falk, 1786, Bd. 3, Tab. XXXII].

дит еще одна вертикальная красная полоса. Можно предположить, что расположенная у правого плеча полоска окаймляет нагрудный разрез, который на старинных удмуртских рубахах делали с правой стороны. Удмуртка изображена в *айшоне* – уборе замужних женщин, которых традиции северных удмуртов обязывали носить тканевый нагрудник (*кабачи*, *муресазь*) поверх рубахи. В собственно южно-удмуртском костюмном комплексе тканевый нагрудник *кыкрак* надевался под рубаху. Особенности костюма «вотячки» (манера ношения покрывала *сюлык*, отсутствие нагрудника на рубахе) позволяют предположить, что на гравюре передан южный комплекс одежды удмуртской женщины. Черты, сближающие его с североудмуртским костюмом, можно объяснить принадлежностью обоих к древнему пласту, на основе которого формировался традиционный удмуртский костюм. В северных районах, в частности, в упоминаемом выше косинском костюмном комплексе они сохранялись дольше, чем в южных: к концу XIX в. такие черты были уже утрачены.

Изображение удмуртского женского костюма, сделанное художником экспедиции И.П. Фалька, соответствует изображениям и описаниям, приведенным в материалах современников путешественника. У Д.Г. Мессершмидта удмуртка изображена в высоком головном уборе, который в его рукописи обозначен как «ашкон» [Напольских, 2001, с. 86, 140]. На гравюре в сочинении Г.Ф. Миллера удмуртка одета в кафтан с ложными рукавами, ее головной убор *айшон* имеет высокий остов, на нем закреплено покрывало, угол которого свисает спереди [1791, с. 20, илл. 5]. В книге И.Г. Георги женщина-удмуртка показана в таком же высоком головном уборе, покрытом белым покрывалом с бахромой из красных ниток, в кафтане, как у «вотячки» Фалька, имеющим ложные рукава с разрезами, рукава ее рубахи так же украшены продольными красными полосками [2005]. Поверх кафтана у «вотячки» И.Г. Георги, как и у «вотячки» И.П. Фалька, повязан передник без грудки.

В опубликованных материалах экспедиции И.П. Фалька есть и другие изображения, на которых, по нашему убеждению, представлены комплекты традиционного удмуртского костюма. Однако в подписи к одному из рисунков указано: «Eine Baschkirin im Sommer Anzuge» – Башкирка в летнем костюме (далее – «башкирка») [1785, Tab. XXXV], а к другому – «Eine Metscherjakin in Sommerskleidung» – Мещерячка в летней одежде (далее – «мишарка») [Ibid., Tab. XXXVI]. Одежда и украшения «башкирки» (рис. 2) не соответствуют ни одному из комплексов башкирского женского костюма. Это изображение разительно отличается от изображений, известных

по публикациям П.С. Палласа и И.Г. Георги, и не соотносится ни с синхронными описаниями традиционной башкирской одежды, ни с позднейшими этнографическими материалами. «Башкирка» изображена с крестом на груди (башкиры – мусульмане) в лаптях и черных онучах, в переднике, а вместо монетно-кораллового нагрудника (традиционного башкирского женского украшения) на ее груди – нитки бус с чередующимися красными и черными бусинами. Подобные бусы, передники, черные онучи (или обертки) на ногах и лапти не входили в состав башкирского женского костюма XVIII в. Как писал И.И. Лепехин: «лаптей ни башкирки, ни башкирцы никогда не употребляют» [1772, с. 151].

Столь же странно выглядит «мишарка» (рис. 3). Считать изображенный костюмный комплекс вариантом татарского костюма не позволяют его элементы и их комплектность. Не соответствуют татарским традициям украшения «мишарки»: одно – длинное ожерелье (нитка) из разноцветных бус с крестом в центре, другое – серьги в форме знака вопроса, соединенные длинной нитью с крупными белыми продолговатыми «зернами» (возможно, так изображены раковины-каури). Ожерелья с крестом не могло быть в костюме мишарей, т.к. они мусульмане. Серьги подобной формы, соединенные ниткой бус, – элемент, незнакомый мишарям, как и другим группам татар. Не вписывается в традиции татарского костюма и манера ношения передника, которую запечатлел художник И.П. Фалька. На «мишарке» изображен передник без грудки, который повязан поверх кафтана. Фартук не был обязательным элементом татарского женского костюма, им никогда не подвязывалась верхняя одежда. На гравюрах XVIII в. нельзя встретить изображений татарской женщины в переднике. На ногах «мишарки» – остроносые лапти, хотя татарские лапти имели прямой носок. На голове «мишарки» изображена полусферическая шапочка, обшитая мелкими монетами. Украшенные монетами головные уборы входили в состав костюма мишарей [Мухамедова, 1997, с. 55, 56; Георги, 2005, с. 131, 219], но не были их отличительным признаком в одежде. Полусферические шапочки, покрытые монетами, подобные той, которая изображена на голове «мишарки», бытовали как часть костюма девушки/невесты у многих народов региона – у татар (мишарей) (*тайка*), чувашей (*тухья*, *тохья*), марийцев (*такийя*, *такья*), удмуртов (*такья*).

Так кто же изображен на этих гравюрах под именами «башкирка» и «мишарка»? Комплексы, представленные на гравюрах, характерны для народов Волго-Уральского региона: одежда из белого холста, украшенная вышивкой и нашитыми красными полосами; холщовая рубаха носится в комплекте с верхней одеждой из белого холста. Как отмечено выше,

Рис. 2. «Башкирка» [Falk, 1786, Bd. 3, Tab. XXXV].

Рис. 3. «Мещерячка» [Falk, 1786, Bd. 3, Tab. XXXVI].

изображенные женщины не могли быть ни татарками, ни башкирками. Они не могли быть мордовками (ни мокшей, ни эрзей), их костюм разительно отличался от представленного на гравюре костюмного комплекса (предметы одежды, их декоративная отделка, способ ношения).

Изображенные элементы костюмов находят параллели в традиционной одежде марийцев, чувашей и удмуртов. Однако одежда чувашей и марийцев обнаруживает не только сходные черты с изучаемыми костюмами, но и существенные различия. Женский костюм чувашей включал и полотненчатые головные уборы (как у «башкирки»), и монетные шапочки (как у «мишарки»), и ожерелье с крестом [Белицер, 1971, с. 328], и черные портянки, и онучи [Там же, с. 329], и передники, по крою подобные сравниваемым [Николаев, Иванов-Орков, Иванов, 2002, с. 63, илл. 49]. Но в традиционном чувашском костюме передник не повязывали поверх кафтана, не известна чувашской традиции и композиция декора рукавов, подобная изображенной на одежде «мишарки», не существовало в ней соединенных с ниткой бус серег в форме знака вопроса, присутствующих в костюме «мишарки», и форма чувашских лаптей была иной. Передник

поверх кафтана в комплексе одежды из белого холста могли носить луговые марийцы; у них были и соединявшиеся цепочкой или лентой ушные украшения, по форме близкие к обсуждаемым [Шикаева, 1987, с. 140–141, рис. 5; Марийские украшения..., 1985, с. 14, 32], и черные онучи, и полусферические, покрытые монетами шапочки, и украшения в виде широкой цепочки с крестом. Но ношение кафтана в комплекте с рубахой в марийской традиции, как и в чувашской, не считалось обязательным [Молотова, 1992, с. 56]. Так одевались луговые марийки только на праздник. На гравюрах, приведенных в работах П.С. Палласа и И.Г. Георги, чувашки изображены в рубахах и без кафтанов, как и марийка на одном из рисунков в книге И.Г. Георги. Полусферические девичьи шапочки марийцы, согласно материалам XVI–XVII вв., не носили в комплекте с височными кольцами в форме знака вопроса (как в костюме «мишарки»), т.к. последние являлись частью костюма замужней женщины [Шикаева, 1987, с. 139]. Марийские лапти по форме отличалась от остроносых, изображенных на гравюрах. Способ, которым повязано головное полотенце «башкирки», не характерен для чувашей и марийцев. Декоративное оформление рукавов одежды «мишар-

ки» и полочек кафтана «башкирки» также не находит аналогий в традиционном марийском и чувашском костюме. Таким образом, этнографические материалы свидетельствуют о том, что под именами «башкирки» и «мишарки» не могли быть изображены ни чувашка, ни марийка. Это и неудивительно: экспедиция И.П. Фалька не успела посетить основные районы компактного проживания марийцев и чувашей, расположенные западнее ее маршрута, потому вероятность фиксации традиционного чувашского и марийского костюма в изобразительных материалах этой экспедиции была минимальной.

Следует отметить, что отдельные элементы изображенных костюмов можно встретить в одежде различных народов Волго-Уральского региона. Одежда «башкирки» как единый комплекс (элементы костюма, их крой и декор, манера ношения) среди различных костюмных комплексов региона обнаруживает очень близкие аналогии с одеждой северных, нижнечепецких удмуртов. При этом она значительно отличается от комплексов традиционной одежды других народов Урало-Поволжья. Маршрут И.П. Фалька пролегал по территории Вятской губ., по заселенным удмуртами землям. И, вероятно, неслучайно многие особенности костюма изображенных «башкирки» и «мишарки» находят параллели именно в традиционном удмуртском женском костюме.

В одежде «башкирки» можно узнать комплект традиционной женской одежды косинских удмуртов (из белого холста, украшена нашитыми полосками красной ткани): рубаха *дэрэм*, кафтан *шортдэрэм*, передник без грудки *аишет*, который повязывался поверх кафтана; головное полотенце *весаькышет* (оно облегалo голову, а концы завязывались сзади), лапти с характерным для удмуртов острым носком, черные обертки на ноги. Кафтан и передник были обязательными элементами как будничной, так и праздничной одежды удмурток. На всех гравюрах XVIII в. удмуртки изображены в кафтанах. Комплект одежды косинских удмурток дополняли нитки разноцветных бус *гадь весь* [Косарева, 2000, с. 55]. Украшение *угыкал* в виде соединенных цепочкой сережек было атрибутом праздничного костюма и женщин, и девушек-удмурток с р. Косы [Там же, с. 56; Лебедева, 2008, с. 27]. Серьги в форме знака вопроса входили в комплект украшений удмуртов и ранее, их находят в памятниках XVI–XVII вв. [Шикаева, 1987, с. 150]. Ожерелье с подвешенным к нему медным крестом *кирос*, *кироскал* было широко распространенным у удмуртов украшением [Белицер, 1951, с. 75; Косарева, 2000, с. 85].

Косинские традиции ярко проступают в специфичной форме ворота и декоре полочек кафтана «башкирки». У кафтана, изображенного на гравюре в книге И.П. Фалька, отложной воротник словно отстоит от края полы, образуя своеобразную ступень. Такая

необычная форма ворота была характерна для праздничных кафтанов косинских удмуртов и объяснима традициями их оформления: «В праздничных халатах полы на уровне груди надрезали перпендикулярно краю полы... а выше надреза отгибали таким образом, что образовывались прямоугольные отвороты... Эти отвороты обшивали и наращивали: с лицевой стороны – красными шелковыми лентами, с изнаночной – белым холстом» [Косарева, 2000, с. 32]. Изображенный на гравюре ворот кафтана так же обшит по краю красной полосой и тканью другого цвета. Ниже ворота полы кафтана на рассматриваемой гравюре украшены по краям поперечными полосками. Отдельвали полочки аппликацией из горизонтально нашитых вдоль краев полосок ткани контрастных тонов не только белые холщовые кафтаны, но и праздничные кафтаны косинского костюмного комплекса удмуртов. Поперечные полоски на полах кафтана, расположенные на уровне груди, можно увидеть и на «вотячке», изображенной в книге Г.Ф. Миллера [1791, илл. 5].

На женских кафтанах косинских удмуртов в верхней части рукава для продевания рук делали разрезы, которые обшивали красной тканью. На гравюре в верхней части рукава кафтана «башкирки» видна красная поперечная полоска, в одном месте она слегка выступает за силуэтную линию рукава, а в другом – словно приминает рукав. Не вызывает сомнения, что таким образом показано обрамление красной тканью разрезов на рукавах кафтана, следовательно, расположенные ниже этих полосок узорные рукава – это рукава рубахи. Их орнамент состоит из продольных полос и цепочек ромбов. У косинских удмуртов рукава праздничных рубах *гордэн* украшались подобным образом: продольными полосами вышивки *кечатэн* (каждая из которых представляла собой цепочку ромбовидных фигур), а также нашитыми вдоль вышивки полосками красной ткани [Косарева, 2000, с. 29–31].

В просвете между полами кафтана на этом рисунке не видно нагрудного разреза нательной рубахи (как на вышеописанной фигуре «вотячки»). На груди «башкирки» пространство между полами кафтана украшено вертикально расположенными зигзагами, которые соприкасаются и образуют в центре цепочку из ромбов. Вероятно, так на гравюре изображен орнамент женского вышитого нагрудника *кабачи*, надевавшегося под кафтан, поверх рубахи. Он был обязательным элементом старинного женского костюма северных групп удмуртов. Вышитый орнамент нагрудников нередко имел сетчатую структуру с ячейками-ромбами (просветы могли оставаться незашитыми).

В состав изображенного на гравюре костюмного ансамбля входит белый (очевидно, холщовый) фартук без грудки. Фартук без грудки *аишет* (надевался поверх кафтана вплоть до конца XX в.) был обязательным элементом косинского (нижнечепецкого) ком-

плекса традиционного удмуртского костюма [Там же, с. 50]. В этот комплекс входили украшения, аналогичные изображенным на «башкирке». На гравюре грудь женщины украшают бусы из чередующихся светлых и темных бусин средней величины с крупным крестом посередине и нить из крупных бусин, ниспадающая от ушей. Крест в качестве украшения носили нижнечепецкие (слободские) удмурты [Там же, с. 85]. Серьги *угы кал* с цепочкой, ниспадающей с ушных раковин на грудь, бытовали у нижнечепецких удмуртов – косинских, а в прошлом и у слободских [Лебедева, 2008, с. 27; Косарева, 2000, с. 85].

Анализ одежды, изображенной на фигуре женщины, представленной как «башкирка», позволяет сделать вывод о соответствии этого комплекта по составу, крою, манере ношения и особенностям отделки нижнечепецкому комплексу традиционного женского удмуртского костюма (в первую очередь в его косинском варианте). На гравюре представлен праздничный комплект одежды замужней женщины-удмуртки.

Комплекс одежды, изображенный на «мишарке» (головные уборы, верхняя одежда, декор одежды, обувь и украшения), наибольшее сходство проявляет с удмуртским традиционным костюмом. «Мишарка» изображена в верхней одежде из белого холста с передником, который, как у «вотячки» и «башкирки» (т.е. на изображениях удмурток), шит без грудки и повязан поверх кафтана; по конструкции и отделке он повторяет передник «башкирки» (удмуртки). С традициями удмуртского костюма XVIII в. передник «мишарки» сближают крой и манера его ношения. На кафтане «мишарки» наиболее интересным с точки зрения идентификации этнической традиции, к которой он принадлежит, является декор на рукавах. Рукава украшает сложная композиция из продольных полос (в нижней части) и крупной ромбической розетки, окруженной углами и треугольниками (в верхней); на края рукавов в виде манжет нашиты поперечные полоски. У народов Волго-Уральского региона декор на рукавах организован либо в виде продольной полосы/полос, либо в виде розетки на плече (вышитые на рукавные розетки встречались на женских рубашках чувашей, удмуртов и марийцев). Только на рукавах старинных кафтанов срединных (шарканских) удмуртов композиция декора состоит из продольно нашитых полос красного сатина (в нижней части) и крупной вышитой розетки (в верхней). Вышитая розетка подквадратной или прямоугольной формы включает небольшие углы и треугольники, которые примыкают к краям фигуры с двух, четырех сторон [Вышитая одежда удмуртов..., 1987, кат. № 338; Лебедева, 2008, с. 164, фото 186, 187; Лебедева, 2009, с. 75–76, илл. 137–140]. На рукавах «мишарки» розетки также изображены в окружении открытых углов. Сходство декора на рукавах кафтанов шарканских удмуртов

и «мишарки» усиливает характерная обшивка краев полосками ткани, сформированных горизонтальными рядами; они образуют широкую манжету.

Пола кафтана «мишарки» не сходятся (краями полочек считаем красные полоски, изображенные на груди, т.к. обычно полосками красной ткани обрамляли края). Между полами видна нагрудная часть рубахи. На рубахе на правой стороне груди можно видеть красную и желтые вертикальные полоски. Полосками красной ткани обычно обшивали нагрудный разрез. Вероятно, изображенная рубаха в оригинале имела правосторонний разрез, характерный для старинных удмуртских женских и девичьих рубаш [Косарева, 2000, с. 26, 66–67]. Кроме того, на груди «мишарки» к расположенной справа планке-обшивке разреза примыкают помещенные друг под другом три треугольника (обращены вершинами вниз). У народов Волго-Уральского региона рубахи, декорированные в верхней части цепочкой из трех аппликативных треугольников, не известны. Удмуртские девичьи рубахи на груди традиционно оформляли аппликацией (выложена полосками красной ткани) в виде обращенного вершиной вниз треугольника-оберега *гадькотыртэм*, который примыкал одним углом к разрезу [Гаген-Торн, 1960, с. 28; Белицер, 1951, с. 37; Косарева, 2000, с. 29, 66]. В этом можно видеть сходство с рубахой «мишарки». Необходимо отметить, что украшать одежду нашитыми чаще красными полосами тесьмы (ткани) – традиция древняя и довольно широко распространенная в прошлом в Волго-Уральском регионе. Таким образом украшали и заодно укрепляли (в практическом и магическом понимании) соединительные швы, края и разрезы. В рамках этой общей традиции существовали этнически специфичные нормы. Для удмуртов таковыми были следующие: использование в аппликации треугольных лоскутов, выкладывание полосками ткани треугольников и отдельных углов. Последние нашивали на рукава удмуртских женских рубаш (на уровне плеча); треугольник и ромб нашивали на рукава кафтанов над разрезом [Manninen, 1957, S. 136, Abb. 135]. На изображениях «вотячки» и «мишарки», приведенных в работе И.П. Фалька, красными треугольниками (очевидно, аппликативными) украшена верхняя часть рукава кафтана. Удмуртские аппликации в виде цепочки из трех треугольников (как на рассматриваемой гравюре) нам не известны, но парные треугольники, соединенные подобным же образом, встречаются и в удмуртской вышивке (на платках-покрывалах *сюлык*), и в аппликации (на старинных рубашках красноуфимских удмуртов красные треугольники, нашитые парами, обрамляли нагрудную вышивку) [Никонова, 2008; Садиков, Никонорова, 2009]. Важно, что украшение одежды треугольниками не только одиночными, но и соединенными вершинами с основаниями

(как на костюме «мишарки»), отвечало традициям удмуртов. Таким образом, оформление нагрудной части рубахи «мишарки», хотя и не находит абсолютно точных совпадений в материалах по удмуртской одежде конца XIX – начала XX в., но в целом укладывается в традиции нашивать треугольник-оберег на грудь девичьей рубахи и комбинировать треугольники в аппликативном декоре одежды. Примечательно также, что на рубахе «мишарки», как и «вотячки», в нижней части нагрудного пространства красной лентой выложен ромб. Возможно, это еще одно соответствие аппликативного оформления одежды «мишарки» «вотячкой» традиции.

На гравюре «мишарка» изображена в шапочке, чешуеобразно обшитой мелкими монетами; поверх шапочки повязан платок с красной бахромой. Платок скреплен под подбородком, а бахрома платка лежит на плечах. Головной убор однозначно указывает на то, что девушка запечатлена в костюме невесты. Вариантом декорирования удмуртских девичьих шапочек является чешуеобразное оформление их поверхности, принятое, в частности, у шарканских удмуртов. В некоторых местах девушки-удмуртки носили *такъю* и без платка, но «в Глазовском и Сарапульском районах такъю покрывали платком, завязывая концы под подбородком и оставляя открытой переднюю часть такьи, украшенную серебрянными монетами» [Белицер, 1951, с. 57]. Очевидно, что на гравюре изображены сложный головной убор девушки-невесты *такъя* и покрывающий ее платок *такъя кышет*, бытовавший у срединных удмуртов.

Украшением в костюме «мишарки» являются серьги с цепочкой, спускающейся на грудь, с крестом посередине. У нижнечепецких удмуртов подобной формы серьги с цепочкой, как отмечено выше, часто служили дополнением одежды, крест носили в качестве украшения на шнурке *кирос* [Косарева, 2000, с. 85]. Изображенные на ногах «мишарки» лапти имеют традиционную для удмуртов форму – с заостренным носком прямого плетения. Лапти татар и русских выглядят иначе. Комплекс одежды и украшений, изображенных на «мишарке», в целом находит больше параллелей в одежде срединных удмуртов и в шарканско-якшурбодьинском костюмном комплексе.

Заключение

Не вызывает сомнения, что в книге И.П. Фалька «башкирка» и «мишарка» запечатлены в одежде, относящейся к традиционному удмуртскому костюму, и подписи к этим изображениям неверны. При тех обстоятельствах, при которых материалы экспедиции путешественника готовились к печати, ошибки в подпи-

сях к рисункам были возможны [Нечвалода, 2014а, б]. На трех из шести изображений представителей народов России, иллюстрирующих сочинение И.П. Фалька, показаны удмуртки в женских комплектах традиционного удмуртского костюма (на «вотячке» и «башкирке») и в девичьем (на «мишарке»). Три комплекта удмуртской одежды соотносятся с различными костюмными комплексами: комплект на «вотячке» – с южным, на «мишарке» – с срединным, на «башкирке» – с северным. Корректность последнего вывода вызывает сомнения, поскольку И.П. Фальк не посещал северных удмуртов. Он побывал в южной части Вятской губ. «на правой стороне Камы и нижней Вятки» [Записки..., 1824, с. 191]. Следовательно, путешественник на своем пути мог видеть только срединных и южных удмуртов; комплекты шарканско-якшурбодьинского (срединные удмурты), южно-удмуртского и завятского комплексов. Можно было бы предположить, что его экспедиция зафиксировала костюм удмуртов Пермской губ., по территории которой проходили ее маршруты, но одежда этой группы удмуртов заметно отличалась от изображенного на «башкирке» комплекта [Никонорова, 2008; Садиков, Никонорова, 2009], и потому данный вариант разрешения означенного противоречия приходится исключить. Возможно, одежду, изображенную на «башкирке», И.П. Фальк видел на территории, расположенной к югу от Пермской губ., в зоне проживания срединных удмуртов, т.к. их одежда даже в начале XX в. была близка по многим характеристикам к одежде северных удмуртов [Лебедева, 2008, с. 156–157]. Вероятно, в XVIII в. их традиции были еще ближе, а сходство еще сильнее.

Считаем необходимым обратиться к вопросам степени достоверности изобразительных материалов XVIII в. и возможности их использования в качестве историко-этнографического источника. В отечественной литературе вслед за авторитетнейшим этнографом Т.А. Крюковой, считавшей, что иллюстрации в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги – это «вольное воспроизведение подлинников художником» [1949, с. 140], утвердилось весьма осторожное отношение к этому источнику. Опыт работы с ранними иллюстративными материалами [Нечвалода, 2016], в частности, с гравюрами в сочинении И.П. Фалька [Нечвалода, 2014а], позволяет считать изображения в трудах путешественников ценнейшим источником, потенциал которого пока не реализован. В исследованиях, посвященных традиционному костюму XVIII в., с ним по информативности не может сравниться никакой другой: артефакты в музейных фондах единичны, описания слишком общи. Только изображения (при всей их условности) могут передать целостный образ костюма: его состав, отчасти крой, декор, манеру ношения предметов, локальные и возрастные различия.

Список литературы

- Белицер В.Н.** Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу / отв. ред. Н.Н. Чебоксаров. – М.: АН СССР, 1951. – 140 с. – (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 10).
- Белицер В.Н.** Народы Среднего Поволжья и Приуралья // Крестыянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.): определитель. – М.: Сов. Россия, 1971. – С. 288–350.
- Вишленкова Е.А.** Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русское дано не каждому». – М.: Новое лит. обозр., 2011. – 368 с.
- Вышитая одежда удмуртов XIX–XX вв.:** каталог коллекций / сост. Е.Н. Котова. – Л.: Государственный музей этнографии народов СССР, 1987. – 84 с.
- Гаген-Торн Н.И.** Женская одежда народов Поволжья: материалы к этногенезу. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 228 с.
- Георги И.Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб.: Русская симфония, 2005. – 816 с.
- Жабрева А.Э.** Изображения костюмов народов России в трудах ученых Петербургской Академии наук XVIII века // Справочно-библиографическое обслуживание: традиции и новации / отв. ред. В.П. Леонов; сост.: Н.А. Сидоренко, Н.В. Бекжанова. – СПб.: Б-ка РАН, 2007. – С. 201–214.
- Записки** путешествия Академика Фалька // Полное собрание Ученых путешествий по России. – СПб., 1824. – Т. 6. – 546 с.
- Косарева И.А.** Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинский, слободской, кукморский, шошминский, закамский) в конце XIX – начале XX в. – Ижевск: Урал. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН, 2000. – 228 с.
- Крюкова Т.А.** Коллекция П.С. Палласа по народам Поволжья // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1949. – Т. 12. – С. 139–159.
- Лебедева С.Х. (Lebedeva S.Kh.).** Удмурт калык пужыятон=Удмуртская народная одежда=Udmurt Folk Costume / пер. на удм. яз. Л. Айтугановой; пер. на англ. яз. Д. Четвертных. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 208 с. (на удм., рус. и англ. яз.).
- Лебедева С.Х. (Lebedeva S.Kh.).** Удмурт калык диськут=Удмуртская народная вышивка=Udmurt Folk Embroidery. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – 88 с. (на удм., рус. и англ. яз.).
- Лепехин И.И.** Дневные записки путешествия доктора и Академии наук медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. – СПб., 1772. – Ч 2. – 359 с.
- Марийские украшения** (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): каталог / сост. А.Ю. Заднепровская. – Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1985. – 104 с.
- Миллер Г.Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791. – 99 с.
- Молотова Т.Л.** Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. – 112 с.
- Мухамедова Р.Г.** Татарская народная одежда. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1997. – 224 с.
- Напольских В.В.** Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.
- Нечвалода Е.Е.** Башкирские женские украшения конца XVIII в. по изобразительным материалам Больших академических экспедиций // Вторые Юсуповские чтения. Этногенез. История. Культура. – Уфа: Ин-т истории, языка и лит/Уфим. науч. центра РАН, 2014а. – С. 189–197.
- Нечвалода Е.Е.** Изображение «киргизски» в материалах экспедиции И.П. Фалька – документально-достоверная ошибка // Кадырбаевские чтения – 2014: мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Астана, 2014б. – С. 251–256.
- Нечвалода Е.Е.** Изображение удмуртки и марийки в альбоме Августина Мейерберга (историко-этнографический анализ графического источника) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Т. 10, вып. 2. – С. 125–140.
- Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.** Чувашский костюм от древности до современности. – М.; Чебоксары; Оренбург: Фонд историко-культурол. исслед. им. К.В. Иванова, 2002. – 400 с.
- Никонова Е.Е.** Одежда красноуфимских удмуртов // Национальные культуры Урала. Вещь и пространство в культуре этноса: мат-лы науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2008. – С. 50–57.
- Садиков Р.Р., Никонова Е.Е.** Красноуфимские удмурты: история и этнокультурные характеристики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 275–283.
- Шикаева Т.Б.** Марийский женский костюм XVI–XVII веков (по археологическим материалам) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. – С. 134–154. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 11).
- Falk I.P.** Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. – SPb.: Gedruckt bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1785–1786. – Bd. 1–3. – 402+282+301 S.
- Manninen I.** Die Kleidung // Kansatieteellinen Arkisto. – 1957. – N 13 – S. 53–178.

Материал поступил в редколлегию 19.09.17 г.